

Сашка

Автор:

Михаил Лермонтов

Сашка

Михаил Юрьевич Лермонтов

«Наш век смешон и жалок, – всё пиши

Ему про казни, цепи да изгнания,

Про темные волнения души,

И только слышишь муки да страдания...»

Михаил Юрьевич Лермонтов

Сашка

нравственная поэма

Глава I

Наш век смешон и жалок, – всё пиши
Ему про казни, цепи да изгнания,
Про темные волнения души,
И только слышишь муки да страданья.
Такие вещи очень хороши
Тому, кто мало спит, кто думать любит,
Кто дни свои в воспоминаньях губит.
Впадал я прежде в эту слабость сам,
И видел от нее лишь вред глазам;
Но нынче я не тот уж, как бывало, —
Пою, смеюсь. – Герой мой добрый малый.

2

Он был мой друг. С ним я не знал хлопот,
С ним чувствами и деньгами делился;
Он брал на месяц, отдавал чрез год,
Но я за то ни мало не сердился
И поступал не лучше в свой черед;
Печален ли, бывало, тотчас скажет,
Когда же весел, счастлив – глаз не кажет.
Не раз от скуки он свои мечты
Мне поверял и говорил мне ты;
Хвалил во мне, что прочие хвалили,

И был мой вечный визави в кадрили.

3

Он был мой друг. Уж нет таких друзей...

Мир сердцу твоему, мой милый Саша!

Пусть спит оно в земле чужих полей,

Не тронута никем, как дружба наша,

В немом кладбище памяти моей.

Ты умер, как и многие, без шума,

Но с твердостью. Таинственная дума

Еще блуждала на челе твоём,

Когда глаза сомкнулись вечным сном;

И то, что ты сказал перед кончиной,

Из слушавших не понял ни единый.

4

И было ль то привет стране родной,

Название ли оставленного друга,

Или тоска по жизни молодой,

Иль просто крик последнего недуга —

Как разгадать? Что может в час такой

Наполнить сердце, жившее так много

И так недолго с смутною тревогой?
Один лишь друг умел тебя понять
И ныне может, должен рассказать
Твои мечты, дела и приключения —
Глупцам в забаву, мудрым в поученье.

5

Будь терпелив, читатель милый мой!
Кто б ни был ты: внук Евы иль Адама,
Разумник ли, шалун ли молодой, —
Картина будет; это – только рама!
От правил, утвержденных стариной,
Не отступлю, – я уважаю строго
Всех стариков, а их теперь так много...
Не правда ль, кто не стар в осьмнадцать лет
Тот, верно, не видал людей и свет,
О наслажденьях знает лишь по слухам
И предан был учителям да мукам.

6

Герой наш был москвич, и потому
Я враг Неве и невскому туману.

Там (я весь мир в свидетели возьму)
Веселье вредно русскому карману,
Заняття вредны русскому уму.
Там жизнь грязна, пуста и молчалива,
Как плоский берег Финского залива.
Москва – не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.
Там я впервые в дни надежд и счастья
Был болен от любви и любострастья.

7

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и – обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул – он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.

Ты жив!.. Ты жив, и каждый камень твой —

Заветное преданье поколений.

Бывало, я у башни угловой

Сижу в тени, и солнца луч осенний

Играет с мохом в трещине сырой,

И из гнезда, прикрытого карнизом,

Касатки вылетают, верхом, низом

Кружатся, вьются, чуждые людей.

И я, так полный волею страстей,

Завидовал их жизни безызвестной,

Как упованье вольной, поднебесной.

Я не философ – боже сохрани! —

И не мечтатель. За полетом пташки

Я не гонюсь, хотя в былые дни

Не вовсе чужд был глупой сей замашки.

Ну, муза, – ну, скорее, – разверни

Запачканный листок свой подорожный!..

Не завирайся, – тут зоил безбожный...

Куда теперь нам ехать из Кремля?

Ворот ведь много, велика земля!

Куда? – «На Пресню погоняй, извозчик!» —

«Старуха, прочь!.. Сворачивай, разносчик!»

10

Луна катится в зимних облаках,

Как щит варяжский или сыр голландской.

Сравненье дерзко, но люблю я страх

Все дерзости, по вольности дворянской.

Спокойствия рачитель на часах

У будки пробудился, восклицая:

«Кто едет?» – «Муза!» – «Что за чорт! Какая?»

Ответа нет. Но вот уже пруды...

Белеет мост, по сторонам сады

Под инеем пушистым спят унылы;

Луна сребрит железные перилы.

11

Гуляка праздный, пьяный молодец,

С осанкой важной, в фризовой шинели,

Держась за них, бредет – и вот конец

Перилам. – «Всё направо!» – Заскрипели

Полозья по сугробам, как резец
По мрамору... Лачуги, цепью длинной
Мелькая мимо, кланяются чинно...
Вдали мелькнул знакомый огонек...
«Держи к воротам... Стой, – сугроб глубок!..
Пойдем по снегу, муза, только тише
И платье подними как можно выше».

12

Калитка – скрип... Двор темен. По доскам
Идти неловко... Вот, насилу, сени
И лестница; но снегом по местам
Занесена. Дрожащие ступени
Грозят мгновенно изменить ногам.
Взошли. Толкнули дверь – и свет огарка
Ударил в очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждает путь гостям
И вопрошает: «Что угодно вам?»
И, услышав ответ красноречивый,
Захлопнув дверь, бранится неучтиво...

13

Но, несмотря на это, мы взойдем:
Вы знаете, для музы и поэта,
Как для хромого беса, каждый дом
Имеет вход особый; ни секрета,
Ни запрещенья нет для нас ни в чем...
У столика, в одном углу светлицы,
Сидели две... девицы – не девицы...
Красавицы... названье тут как раз!..
Чем выгодней, узнать прошу я вас
От наших дам, в деревне и столице
Красавицею быть или девицей?

14

Красавицы сидели за столом,
Раскладывая карты, и гадали
О будущем. И ум их видел в нем
Надежды (то, что мы и все видали).
Свеча горела трепетным огнем,
И часто, вспыхнув, луч ее мгновенный
Вдруг обливал и потолок и стены.
В углу переднем фольга образов
Тогда меняла тысячу цветов,
И верба, наклоненная над ними,

Блистала вдруг листами золотыми.

15

Одна из них (красавиц) не вполне
Была прекрасна, но зато другая...
О, мы таких видали лишь во сне,
И то заснув – о небесах мечтая!
Слегка головку приклонив к стене
И устремив на столик взор прилежный,
Она сидела несколько небрежно.
В ответ на речь подруги иногда
Из уст ее пустое «нет» иль «да»
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили вниманья.

16

Она была затейливо мила,
Как польская затейливая панна;
Но вместе с этим гордый вид чела
Казался ей приличен. Как Сусанна,
Она б на суд неправедный пошла
С лицом холодным и спокойным взором;

Такая смесь не может быть укором.

В том вы должны поверить мне в кредит,

Тем боле, что отец ее был жид,

А мать (как помню) полька из-под Праги...

И лжи тут нет, как в том, что мы – варяги.

17

Когда Суворов Прагу осаждал,

Ее отец служил у нас шпионом,

И раз, как он украдкою гулял

В мундире польском вдоль по бастионам,

Неловкий выстрел в лоб ему попал.

И многие, вздохнув, сказали: «Жалкой,

Несчастный жид, – он умер не под палкой!»

Его жена пять месяцев спустя

Произвела на божий свет дитя,

Хорошенькую Тирзу. Имя это

Дано по воле одного корнета.

18

Под рубищем простым она росла

В невежестве, как травка полевая

Проходим не замечена, – ни зла,
Ни гордой добродетели не зная.
Но час настал, – пора любви пришла.
Какой-то смертный ей сказал два слова:
Она в объятья божества земного
Упала; но увы, прошло дней шесть,
Уж полубог успел ей надоесть;
И с этих пор, чтоб избежать ошибки,
Она дарила всем свои улыбки...

19

Мечты любви умчались, как туман.
Свобода стала ей всего дороже.
Обманом сердце платит за обман
(Я так слышал, и вы слышали тоже).
В ее лице характер южных стран
Изображался резко. Не наемный
Огонь горел в очах; без цели, томно,
Покрыты светлой влагой, иногда
Они блуждали, как порой звезда
По небесам блуждает, – и, конечно,
Был это знак тоски немой, сердечной.

Безвестная печаль сменялась вдруг
Какою-то веселостью недужной...
(Дай бог, чтоб всех томил такой недуг!)

Волной вставала грудь, и пламень южный
В ланитах рделся, белый полукруг
Зубов жемчужных быстро открывался;
Головка поднималась, развивался
Душистый локон, и на лик молодой
Катился лоснясь черною струей;
И ножка, разрезваясь, не зная плена,
Бесстыдно обнажалась до колена.

Когда шалунья навзничь на кровать,
Шутя, смеясь, роскошно упала,
Не спорю, мудрено ее понять, —
Она сама себя не понимала, —
Ей было трудно сердцу приказать,
Как баловню ребенку. Надо было
Кому-нибудь с неведомою силой
Явиться и приветливой душой

Его согреть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаем,
Всё это мы со временем узнаем.

22

Теперь к ее подруге перейдем,
Чтоб выполнить начатую картину.
Они недавно жили тут вдвоем,
Но души их сливались во едину,
И мысли их встречались во всем.
О, если б знали, сколько в этом званье
Сердец отличных, добрых! Но вниманье
Увлечено блистаньем модных дам.
Вздыхая, мы бежим по их следам...
Увы, друзья, а наведите справки,
Вся прелесть их... в кредит из модной лавки!

23

Она была свежа, бела, кругла,
Как снежный шарик; щеки, грудь и шея,
Когда она смеялась или шла,
Дрожали сладострастно; не краснея,

Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидела юбка; но плутовка
Поднять умела грудь, открыть плечо,
Ласкать умела буйно, горячо
И, хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства...

24

Она звалась Варюшею. Но я
Желал бы ей другое дать название:
Скажу ль, при этом имени, друзья,
В груди моей шипит воспоминанье,
Как под ногой прижатая змея;
И ползает, как та среди развалин,
По жилам сердца. Я тогда печален,
Сердит, – молчу или браню весь дом,
И рад прибить за слово чубуком.
Итак, для избежанья зла, мы нашу
Варюшу здесь перекрестим в Парашу.

25

Увы, минувших лет безумный сон
Со смехом повторить не смеет лира!
Живой водой печали окроплен,
Как труп давно застывшего вампира,
Грозя перстом, поднялся молча он,
И мысль к нему прикована... Ужели
В моей груди изгладить не успели
Столь много лет и столько мук иных —
Волшебный стан и пару глаз больших?
(Хоть, признаюсь вам, разбирая строго,
Получше их видал я после много.)

26

Да, много лет и много горьких мук
С тех пор отяготело надо мною;
Но первого восторга чудный звук
В груди не умирает, - и порою,
Сквозь облако забот, когда недуг
Мой слабый ум томит неугомонно,
Ее глаза мне светят благосклонно.
Так в час ночной, когда гроза шумит
И бродят облака, - звезда горит
В дали эфирной, не боясь их злости,

И шлет свои лучи на землю в гости.

27

Пред нагоревшей сальной свечой
Красавицы раздумавшись сидели,
И заставлял их вздрагивать порой
Унылый свист играющей метели.
И как и вам, читатель милый мой,
Им стало скучно... Вот, на место знака
Условного, залаяла собака,
И у калитки брякнуло кольцо.
Вот чей-то голос... Идут на крыльцо...
Параша потянулась и зевнула
Так, что едва не бухнулась со стула,

28

А Тирза быстро выбежала вон,
Открылась дверь. В плаще, закидан снегом,
Явился гость... Насмешливый поклон
Отвесил и, как будто долгим бегом
Или волнением был он утомлен,
Упал на стул... Заботливой рукою

Сняла Параша плащ, потом другою
Стряхнула иней с шелковых кудрей
Пришельца. Видно, нравился он ей...
Всё нравится, что молодо, красиво,
И в чем мы видим прибыль особливо.

29

Он ловок был, со вкусом был одет,
Изящно был причесан и так дале.
На пальцах перстни изливали свет,
И галстук надушен был, как на бале.
Ему едва ли было двадцать лет,
Но бледностью казались покрыты
Его чело и нежные ланиты, —
Не знаю, мук ли то последних след,
Но мне давно знаком был этот цвет, —
И на устах его, опасней жала
Змеи, насмешка вечная блуждала.

30

Заметно было в нем, что с ранних дней
В кругу хорошем, то есть в модном свете,

Он обжился, что часть своих ночей
Он убивал бесплодно на паркете
И что другую тратил не умней...
В глазах его открытых, но печальных,
Нашли бы вы без наблюдений дальных
Презренье, гордость; хоть он не был горд,
Как глупый турок иль богатый лорд,
Но всё-таки себя в числе двуногих
Он почитал умнее очень многих.

31

Борьба рождает гордость. Воевать
С людскими предрассудками труднее,
Чем тигров и медведей поражать,
Иль со штыком на вражьей батарее
За белый крестик жизнью рисковать...
Клянусь, иметь великий надо гений,
Чтоб разом сбросить цепь предубеждений,
Как сбросил бы я платье, если б вдруг
Из севера всевышний сделал юг.
Но ныне нас противное пугает:
Неаполь мерзнет, а Нева не тает.

Да кто же этот гость?.. Pardon, сейчас!..
Рассеянность... Monsieur, рекомендую:
Герой мой, друг мой – Сашка!.. Жаль для вас,
Что случай свел в минуту вас такую,
И в этом месте... Верьте, я не раз
Ему твердил, что эти посещения
О нем дадут весьма дурное мнение.
Я говорил, – он слушал, он был весь
Вниманье... Глядь, а вечером уж здесь!..
И я нашел, что мне его исправить
Труднее в прозе, чем в стихах прославить.

Герой мой Сашка тихо развязал
Свой галстук... «Сашка» – старое название!
Но «Сашка» тот печати не видал
И незрелый он угас в изгнание.
Мой Сашка меж друзей своих не знал
Другого имя, – дурно ль, хорошо ли,
Разуверять друзей не в нашей воле.
Он галстук снял, рассеянно перстом

Провел по лбу, поморщился, потом

Спросил: «Где Тирза?» – «Дома». – «Что ж не видно

Ее?» – «Уснула». – «Как ей спать не стыдно!»

34

И он поспешно входит в тот покой,

Где часто с Тирзой пламенные ночи

Он проводил... Всё полно тишиной

И сумраком волшебным; прямо в очи

Недвижно смотрит месяц золотой

И на стекле в узоры ледяные

Кидает искры, блески огневые,

И голубым сиянием стена

Игриво и светло озарена.

И он (не месяц, но мой Сашка) слышит,

В углу на ложе кто-то слабо дышит.

35

Он руку протянул, – его рука

Попала в стену; протянул другую, —

Ощупал тихо кончик башмачка.

Схватил потом и ножку, но какую?!..

Так миньютюрна, так нежна, мягка
Казалась эта ножка, что невольно
Подумал он, не сделал ли ей больно.
Меж тем рука всё далее ползет,
Вот круглая коленочка... и вот,
Вот – для чего смеетесь вы заране? —
Вот очутилась на двойном кургане...

36

Блаженная минута!.. Закипел
Мой Александр, склонившись к деве спящей.
Он поцелуй на грудь напечатлел
И стан ее обвил рукой дрожащей.
В самозабвеньи пылком он не смел
Дохнуть... Он думал: «Тирза дорогая!
И жизнью и чувствами играя,
Как ты, я чужд общественных связей, —
Как ты, один с свободою моею,
Не знаю в людях ни врага, ни друга, —
Живу, чтоб жить как ты, моя подруга!

37

«Судьба вчера свела случайно нас,
Случайно завтра разведет навечно, —
Не всё ль равно, что год, что день, что час,
Лишь только б я провел его беспечно?..»
И не сводил он ярких черных глаз
С своей жидовки и не знал, казалось,
Что резвое создание притворялось.
Меж тем почла за нужное она
Проснуться и была удивлена,
Как надлежало... (Страх и удивленье
Для женщин в важных случаях спасенье.)

38

И, прежде потеряв глаза рукой,
Она спросила: «Кто вы?» - «Я, твой Саша!» —
«Неужто?.. Видишь, баловник какой!
Ступай, давно там ждет тебя Параша!..
Нет, надо разбудить меня... Постой,
Я отомщу». И за руку схватила
Его проворно и ... и укусила,
Хоть это был скорее поцелуй.
Да, мерзкий критик, что ты ни толкуй,
А есть уста, которые украдкой

Кусать умеют сладко, очень сладко!..

39

Когда бы Тирзу видел Соломон,
То верно б свой престол украсил ею, —
У ног ее и царство, и закон,
И славу позабыл бы... Но не смею
Вас уверять, затем, что не рожден
Владыкой, и не знаю, в низкой доле,
Как люди ценят вещи на престоле;
Но знаю только то, что Сашка мой
За целый мир не отдал бы порой
Ее улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной сказки.

40

«Откуда ты?» - «Не спрашивай, мой друг!
Я был на бале!» - «Бал! а что такое?» —
«Невежда! это - говор, шум и стук,
Толпа глупцов, веселье городское, —
Наружный блеск, обманчивый недуг;
Кружатся девы, чванятся нарядом,

Притворствуют и голосом и взглядом.

Кто ловит душу, кто пять тысяч душ...

Все так невинны, но я им не муж.

И как ни уважаю добродетель,

А здесь мне лучше, в том луна свидетель».

41

Каким-то новым чувством смущена,

Его слова еврейка поглощала.

Сначала показалась ей смешна

Жизнь городских красавиц, но... сначала.

Потом пришло ей в мысль, что и она

Могла б кружиться ловко пред толпою,

Терзать мужчин надменной красотою,

В высокие смотреться зеркала

И уязвлять, но не желая зла,

Соперниц гордой жалостью, и в свете

Блистать, и ездить четверней в карете.

42

Она прижалась к юноше. Листок

Так жметя к ветке, бурю ожидая.

Стучало сердце в ней, как молоток,
Уста полураскрытые, пылая,
Шептали что-то. С головы до ног
Она горела. Груды молодые
Как персики являлись наливные
Из-под сорочки... Сашкина рука
По ним бродила медленно, слегка...
Но... есть во мне к стыдливости вниманье —
И целый час я пропущу в молчанье.

43

Всё было тихо в доме. Облака
Нескромный месяц дымкою одели,
И только раздавались изредка
Сверчка ночного жалобные трели;
И мышь в тени родного уголка
Скреблась в обои старые прилежно.
Моя чета, раскинувшись небрежно,
Покоилась, не думая о том,
Что небеса грозили близким днем,
Что ночь... Вы на веку своем едва ли
Таких ночей десяток насчитали...

Но Тирза вдруг молчанье прервала
И молвила: «Послушай, прочь все шутки!
Какая мысль мне странная пришла:
Что если б ты, откинув предрассудки
(Она его тут крепко обняла),
Что если б ты, мой милый, мой бесценный,
Хотел меня утешить совершенно,
То завтра, или даже в день иной
Меня в театр повез бы ты с собой.
Известно мне, всё для тебя возможно,
А отказать в безделице безбожно».

«Пожалуй!» – отвечал ей Саша. Он
Из слов ее расслушал половину, —
Его клонил к подушке сладкий сон,
Как птица клонит слабую тростину.
Блажен, кто может спать! Я был рожден
С бессонницей. В теченье долгой ночи
Бывало беспокойно бродят очи,
И жжет подушка влажное чело.

Душа грустит о том, что уж прошло,
Блуждая в мире вымысла без пищи,
Как лазарони или русский нищий...

46

И жадный червь ее грызет, грызет, —
Я думаю, тот самый, что когда-то
Терзал Саула; но порой и тот
Имел отраду: арфы звук крылатый,
Как ангела таинственный полет,
В нем воскрешал и слезы и надежды;
И опускались пламенные вежды,
С гармонией сливалась мечта,
И злобный дух бежал, как от креста.
Но этих звуков нет уж в поднебесной, —
Они исчезли с арфою чудесной...

47

И всё исчезнет. Верить я готов,
Что наш безлучный мир – лишь прах могильный
Другого, – горсть земли, в борьбе веков
Случайно уцелевшая и сильно

Заброшенная в вечный круг миров.
Светилы ей двоюродные братья,
Хоть носят шлейфы огненного платья,
И по сродству имеют в добрый час
Влиянье благотворное на нас...
А дай сойтись, так заварится каша, —
В кулачки, и... прощай планета наша.

48

И пусть они блестят до той поры,
Как ангелов вечерние лампы.
Придет конец воздушной их игры,
Печальная разгадка сей шарады...
Любил я с колокольни иль с горы,
Когда земля молчит и небо чисто,
Теряться взором в их цепи огнистой, —
И мнится, что меж ними и землей
Есть путь, давно измеренный душой, —
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вместе все лучи их света.

49

Итак, герой наш спит, приятный сон,
Покойна ночь, а вы, читатель милый,
Пожалуйте, – иначе принужден
Я буду удержать вас силой ...
Роман, вперед!.. Не ?дет? – Ну, так он
Пойдет назад. Герой наш спит покуда,
Хочу я рассказать, кто он, откуда,
Кто мать его была, и кто отец,
Как он на свет родился, наконец,
Как он попал в позорную обитель,
Кто был его лакей и кто учитель.

50

Его отец – симбирский дворянин,
Иван Ильич NN-ов, муж дородный,
Богатого отца любимый сын.
Был сам богат; имел он ум природный
И, что ума полезней, важный чин;
С четырнадцати лет служил и с миром
Уволен был в отставку бригадиром;
А бригадир блаженных тех времен
Был человек, и следственно умен.
Иван Ильич наш слыл по крайней мере

Любезником в своей симбирской сфере.

51

Он был врагом писателей и книг,
В делах судебных почерпнул познания.
Спал очень долго, ел за четверых;
Ни на кого не обращал вниманья
И не носил приличия вериг.
Однако же пред знатью горделивой
Умел он гнуться скромно и учтиво.
Но в этот век учтивости закон
Для исполненья требовал поклон;
А кланяться закону иль вельможе
Считалось тогда одно и то же.

52

Он старших уважал, зато и сам
Почтительность вознаграждал улыбкой
И, ревностный хотя угодник дам,
Женился, по словам его, ошибкой.
В чем он ошибся, не могу я вам
Открыть, а знаю только (не соврать бы),

Что был он грустен на другой день свадьбы,
И что печаль его была одна
Из тех, какими жизнь мужей полна.
По мне они большие эгоисты, —
Всё жен винят, как будто сами чисты.

53

Благодари меня, о женский пол!

Я – Демосфен твой: за твою свободу

Я рад шуметь; я непомерно зол

На всю, на всю рогатую породу!

Кто власть им дал?.. Восстаньте, – час пришел![1 - Во всех известных списках за этим стихом следуют строки:Я поднимаю знамя возмущенья.Ура! Сюда все девы!
Прочь терпенье!Эти два стиха выводятся из основного текста как вариант стихов 578–579. Одиннадцатистроичная строфа у Лермонтова не может содержать 13 строк. Из четырех смежных стихов с женскими рифмами два включены в строфу ошибочно. Оставляем в тексте наиболее вероятную из двух параллельных пар стихов.]

Конец всему есть! Беззаботно, явно

Идите вслед за Марьей Николавной!

Понять меня, я знаю, вам легко,

Ведь в ваших жилах – кровь, не молоко,

И вы краснеть умеете уж кстати

От взоров и намеков нашей братьи.

Иван Ильич стерег жену свою
По старому обычаю. Без лести
Сказать, он вел себя, как я люблю,
По правилам тогдашней старой чести.
Проказница ж жена (не утаю)
Читать любила жалкие романы
Или смотреть на светлый шар Дианы,
В беседке темной сидя до утра.
А месяц и романы до добра
Не доведут, – от них мечты родятся...
А искушенью только бы добраться!

Она была прелакомый кусок
И многих дум и взоров стала целью.
Как быть: пчела садится на цветок,

Конец ознакомительного фрагмента.

1

Во всех известных списках за этим стихом следуют строки:

Я поднимаю знамя возмущенья.

Ура! Сюда все девы! Прочь терпенье!

Эти два стиха выводятся из основного текста как вариант стихов 578–579. Одиннадцатистрочная строфа у Лермонтова не может содержать 13 строк. Из четырех смежных стихов с женскими рифмами два включены в строфу ошибочно. Оставляем в тексте наиболее вероятную из двух параллельных пар стихов.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mihail-lermontov/sashka>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)